

Позднесредневековый центральноазиатский колчан из собрания Новокузнецкого краеведческого музея

Л. А. Бобров¹, С. А. Пилипенко², Р. А. Мартюшов³

¹Новосибирский государственный университет

²Новосибирский государственный университет экономики и управления

³Новокузнецкий краеведческий музей

Аннотация

В статье рассмотрен кожаный колчан, хранящийся в Новокузнецком краеведческом музее (КП-1975). Ранее он не становился объектом научного исследования. Цель исследования — ввести в научный оборот информацию о колчане, уточнить его датировку и атрибуцию. Установлено, что в первой половине XX в. колчан входил в состав частной коллекции кузнецкого краеведа К. А. Евреина, а после его смерти был передан в музейное собрание. При регистрации предмета он был записан как «Колчан – шорский». Типологический анализ показал, что подобные колчаны входят в состав большой группы центральноазиатских колчанов второй половины XVI – середины XIX в., однако отличаются от своих монгольских и южносибирских аналогов рядом деталей конструкции и декоративного оформления. Отличительными особенностями колчанов серии является высокая заостренная спинка, вынесенное далеко вперед массивное верхнее «ушко», а также отказ от украшения лицевой стороны колчана металлическими накладками (за исключением ременных блях и заклепок по периметру). Все известные колчаны рассматриваемого образца происходят с территории Южной Сибири, Юго-Восточного Казахстана и Тибета, которые входили в состав различных ойратских государственных образований. Это позволяет обозначить их как колчаны «ойратского типа». На основании особенностей конструкции и оформления колчан из НКМ может быть датирован XVII – серединой XVIII в. Он мог быть изготовлен как ойратским, так и южносибирским мастером данного периода.

Ключевые слова

Ойраты, дербеты, джунгары, оружие ойратов, колчан, джунгарские колчаны, колчаны ойратского типа.

Благодарности

Исследование проведено в рамках Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021)

Для цитирования

Бобров Л. А., Пилипенко С. А., Мартюшов Р. А. Позднесредневековый центральноазиатский колчан из собрания Новокузнецкого краеведческого музея // *Universum Humanitarium*. 2023. № 1. С. 121–141.
DOI 10.25205/2499-9997-2023-1-121-141

A Central Asian quiver of the Late Middle Ages from the Novokuznetsk Museum of Local Lore

L. A. Bobrov¹, S. A. Pilipenko², R. A. Martyushov³

¹ *Novosibirsk State University*

Pirogova str., 1, Novosibirsk, 630090, Russia

² *Novosibirsk State University of Economics and Management*

Kamenskaya Str., 52/1, Novosibirsk, 630007, Russia

³ *Novokuznetsk Museum*

Pionersky Ave., 24, Novokuznetsk, 654027, Russia

Abstract

The article considers a leather quiver stored in the Novokuznetsk Museum of Local Lore (KP-1975). Previously, it has not become the object of scientific research. The purpose of the study is to introduce information about the quiver into scientific circulation, to clarify its dating and attribution. Results. It is established that in the first half of the XX century the quiver was part of the private collection of the Kuznetsk local historian K.A. Evreinov, and after his death it was transferred to the museum collection. When registering the item, it was recorded as "Quiver – shore". This type of quivers belongs to the wide range of Central Asian quivers of the second half of 16th – mid 19th centuries, but differs from other Mongolian and South Siberian quivers by some features of its construction and ornamentation. The features of the similar quivers are high pointed back, massive upper "eye" extended far forward, and refuse of the ornamentation of the outer side of the quiver with metal plates except for the buckles of the belts and rivets bordering the quiver. All quivers of this type known for today are from the south part of West and Central Siberia, South-East Kazakhstan and Tibet. These regions were invaded by Western Mongols-Oirats (Dzungars, Khoshuts, Derbets etc.) in 17th – mid 18th centuries. The period of usage of the quivers of this type coincides with the period of the domination of different Oirat's states in the aforementioned regions. . It allows to consider the quivers of this type as quivers of "Oirat's type". Conclusions. Based on the design and design features, the quiver from the Novokuznetsk Museum of Local Lore can be dated to the XVII – mid XVIII centuries. It could have been made by both Oirat and South Siberian masters of this period.

Keywords

Oirats, Derbets, Dzungars, Oirat's weaponry, quivers, Dzungarian quivers, quivers of Oirat's type.

Acknowledgments

The work was carried out as part of the implementation of the State task of the Ministry of Education and Science in the field of scientific activity (project No. FSUS-2020-0021)

For citation

Bobrov L.A., Pilipenko S. A., Martyushov R. A. A Central Asian quiver of the Late Middle Ages from the Novokuznetsk Museum of Local Lore // *Universum Humanitarium*. 2023. № 1. P. 121–141.

DOI 10.25205/2499-9997-2023-1-121-141

Введение

В фондах Новокузнецкого краеведческого музея (НКМ) хранится кожаный колчан (КП-1975), представляющий значительный интерес для отечественных и зарубежных археологов, оружейников и этнографов (рис. 1, 1). В первой половине XX в. он входил в состав частной коллекции Конкордия Алексеевича Евреинова [Ширин, 2000. С. 137–140; Мартюшов, 2017. С. 174–192]. В 1949 г. после смерти знаменитого кузнецкого краеведа собранные им предметы геологии, палеонтологии, археологии и этнографии были переданы в музейное собрание. Записи К. А. Евреинова позволяют уточнить места сборов некоторых вещей этнографической части коллекции, которые были атрибутированы как изделия шорских и телеутских мастеров. К сожалению, дополнительные сведения по истории поступления колчана отсутствуют. Единственная запись «Колчан – шорский» была сделана сотрудниками музея в книге поступлений при регистрации предмета. Ранее колчан не публиковался и не становился объектом научного исследования.

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот информации о колчане КП-1975 из собрания НКМ. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: дать подробное описание размеров, особенностей конструкции и системы оформления колчана, уточнить его датировку и атрибуцию.

Общая высота колчана (от края днища до верхней части спинки) – 52,9 см. Высота колчана от днища до среза горловины – 32,5 см. Ширина (в верхней / центральной / нижней части) – 28,0 / 19,4 / 21,2 см соответственно. Толщина колчана – 5,6 см (в том числе толщина кожаных стенок колчана 0,4–0,5 см).

На основании материала изготовления и особенностей конструкции колчан КП-1975 может быть отнесен к категории кожаных колчанов-футляров с каркасом из деревянных и железных пластин.

Основу деревянного L-образного каркаса формирует вертикальная дощечка, проходящая вдоль спинки колчана и соединенная с деревянным днищем миндалевидной формы (рис. 1, 1) ¹. Вдоль переднего вырезного края колчана (с его тыльной стороны) приклепана узкая железная планка S-образной формы (рис. 1, 1а) ². Данные деревянные

¹ Верхний край дощечки скошен (срезан внутрь колчана), а нижний оформлен в крепление «проушина». Задняя часть линзовидного в поперечном сечении днища оформлена в крепление на шип. Дощечка крепится к днищу под прямым углом по принципу шип в проушину.

² Ширина планки – 1 см, толщина – 3 мм.

Рис. 1. Колчаны из собрания НКМ (1) и ТИАМЗ (2): 1а, 2а – вид сзади; 1б, 2б – вид спереди (фото: Р. А. Мартюшов, Ю. Г. Аверин); 2 – по: Бобров, Балунов, 2023
 Fig. 1. Quivers from the NKМ (1) and TIAMZ (2) collections: 1а, 2а – rear view; 1б, 2б – front view (1 – photo by: R. A. Martyushov, Yu. G. Averin); 2 – by: Bobrov L. A., Balyunov I. V., 2023.

и металлические пластины придают всей конструкции необходимую жесткость и служат каркасом для крепления кожаных элементов колчана.

Последние представлены тремя узкими фрагментами удлинено-прямоугольной формы и двумя большими вырезными асимметрично-трапециевидными лопастями. Удлинено-прямоугольные кожаные полосы сшиты между собой и формируют переднюю стенку колчана с характерными «ушками» с округлыми сквозными отверстиями³. Большие лопасти сложной вырезной Y-образной формы образуют лицевую и тыльную сторону колчана⁴. Отличительными особенностями силуэта колчана являются высокая заостренная спинка, плавно переходящая в вынесенное далеко вперед длинное и широкое верхнее «ушко», миниатюрное, но ярко выраженное нижнее «ушко» полукруглой формы и слабовыпуклое днище (см. рис. 1, 1).

При сборке колчана был использован комбинированный способ соединения его элементов. Передняя стенка сшита с большими вырезными лопастями с помощью нитей и дополнительно армирована с тыльной стороны упомянутой выше железной S-образной планкой. Последняя крепится к коже с помощью металлических заклепок (см. рис. 1, 1). Для соединения лицевой и тыльной кожаной лопасти к деревянному L-образному каркасу также использованы заклепки с округлыми шляпками. Значительный интерес представляет тот факт, что заклепки на лицевой стороне колчана значительно более многочисленны, расположены не в один (как на тыльной стороне), а в два или три ряда, а их большие полусферические шляпки изготовлены из бронзы (рис. 1, 1б). Весьма вероятно, что подобное решение было обусловлено не только желанием обеспечить максимально надежное соединение кожаных и деревянных элементов, но и украсить лицевую сторону колчана.

Прилегающие к кожаным лопастям стороны деревянной дощечки вдоль спинки колчана покрыты частыми косыми надрезами, образующими «сетчатую» поверхность. Подобное оформление позволяет предположить, что кожаная основа могла не только приклепываться, но и в некоторых местах дополнительно приклеиваться к деревянным элементам каркаса.

Лицевая сторона колчана дополнена карманом. Полукруглый вырез снабжен по центру остроугольным фестом, благодаря чему

³ К «ушкам» крепились кожаные ремешки, с помощью которых колчан подвешивался к саадачному поясу.

⁴ В современном оружьеведении лицевая и тыльная сторона колчана может также именоваться «плоскостью» или «полем» колчана (Бобров, Худяков, 2008, с. 12).

верхний край кармана имеет Э-образную форму (см. рис. 1, 1б). Как видно из описаний и изображений периода Средневековья и Нового времени, в карман могли помещаться и обычные стрелы, и их особые разновидности. В первом случае это увеличивало боекомплект стрелка, а во втором – облегчало поиск стрелы со специализированным типом наконечника (рис. 5, 3, 5, 6). Наряду со стрелами в кармане колчана могли храниться напильник для заточки стрел, тетива, запасные наконечники и т. д.

На спинке лицевой части колчана сохранились две большие железные заклепки, служившие для крепления кожаных ремней (фрагмент такого ремня сохранился под шляпкой верхней заклепки). Судя по целиком сохранившимся аналогичным колчанам, верхний ремень соединялся с нижним «ушком», а нижний – с верхним. Перекрещиваясь в центральной части колчана, ремни препятствовали выпадению стрел и других предметов, помещенных в колчаный карман (рис. 1, 2; 2–4, 5, 1, 3–5).

На тыльной стороне колчана сохранились фрагменты крепления еще одного – продольного – ремешка, продевавшегося сквозь горизонтальную петлю (см. рис. 1, 1а). Такой парный ремешок представлял собой третью точку подвеса колчана к поясу (рис. 1, 2а; 2, 1а, 2а). Его основной задачей было предотвращение опрокидывания колчана назад, что могло привести к выпадению стрел (рис. 5, 7).

Внутри колчана рядом с горловиной фиксируются две полосы грубой ткани коричневого цвета. Один конец каждой полосы пришит к лицевой, а второй – к тыльной стороне колчана. Поперечные матерчатые полосы делят внутреннее пространство колчана на отдельные секции. С одной стороны, это позволяло равномерно распределить стрелы по всему колчану, избегая их скопления в одной его части (рис. 5, 3–7). С другой стороны, в разные секции можно было поместить стрелы с разными типами наконечников, что облегчало лучнику поиск нужной стрелы во время боя.

На основании особенностей оформления рассматриваемый колчан может быть отнесен к асимметрично-трапециевидным колчанам с удлиненной заостренной «спинкой», слабовыпуклым днищем, вытянутым верхним «ушком», Э-образным карманом и металлическими заклепками по периметру.

Датировка и атрибуция

Колчан КП-1975 из собрания НКМ может быть датирован и атрибутирован на основании типологического анализа.

Рис. 2. Колчаны из частных коллекций: 1а, 2а – вид сзади; 1б, 2б – вид спереди (по: Dekker, 2019а; 2021).

Fig. 2. Quivers from private collections: 1а, 2а – rear view; 1б, 2б – front view (by: Dekker 2019а; 2021).

По своей конструкции и системе оформления он существенно отличается как от узких 8-образных колчанов населения Восточной Европы, Западной и Средней Азии, так и от регламентированных вариантов колчанов войск цинской императорской армии [Бобров, Худяков, 2008. С. 124, 125, 155; Armaments... 2008. Р. 29, 30, 92–98; Бобров, Пинк, 2014. С. 246–253; Прокопенко, 2014а, 2014б].

Аналоги интересующего нас колчана происходят с территории Центральной Азии и Южной Сибири. Именно они сочетают асимметрично-трапецевидный силуэт, карман и перекрещивающиеся на лицевой части колчана кожаные ремни [Бобров, Худяков, 2008. С. 113, 116, 134, 138, 141–154]. Внутри данной группы фиксируется особая серия колчанов, которые можно определить в качестве ближайших аналогов рассматриваемого образца из собрания НКМ. Отличительной особенностью колчанов данной серии является очень высокая заостренная спинка, плавно переходящая в вынесенное вперед массивное верхнее «ушко», слабовыпуклое (иногда немного приостренное) днище, Э-образный карман и характерные металлические заклепки по периметру (рис. 1, 2; 2, 3, 1–3).

Большинство колчанов указанной серии из западных музейных собраний и частных коллекций датируются XVII–XVIII вв. и атрибутируются как «тибетские» или «монгольские» [LaRocca, 2008. Р. 192–195; Бобров, Худяков, 2008. С. 116, 146, 147] ⁵. Тибетское происхождение некоторых колчанов подтверждается их характерным декоративным оформлением (рис. 2, 1; 3, 1). Однако необходимо отметить, что колчаны подобного типа встречаются и за пределами «Страны снегов». Наряду с рассматриваемым образцом из НКМ можно отметить колчан из собрания ТИАМЗ, предположительно входивший в состав арсе-

⁵ По мнению нидерландского исследователя и коллекционера П. Деккера, один из колчанов серии может быть датирован XV–XVI вв. (рис. 3, 1). Основанием для подобной датировки является схожесть узоров на его поверхности с узорами колчанов-«коробов» («пеналов») из Лидса и МИМ (LaRocca, 2008, с. 190–192; Dekker, 2020). Однако упомянутые колчаны-«короба» датируются американскими и британскими исследователями не XV в., а XV–XVII вв. (Там же). Кроме того, даже если упомянутые колчаны-«короба» действительно изготовлены в XV в., сходство их декоративного оформления с оформлением колчана-«футляра» (рис. 3, 1) может указывать на преемственность культурно-изобразительной традиции, а не на их синхронное бытование. Против датировки указанного элемента саадачного набора XV в. свидетельствуют и отсутствие изображений подобных колчанов в синхронных изобразительных памятниках. Наконец, конструкция раннего (по версии П. Деккера) колчана практически идентична конструкции его аналогов XVII–XVIII вв. (рис. 1, 2; 2, 3, 1–3). Таким образом, датировка упомянутого колчана XV в. представляется маловероятной. При этом возможность локализации времени его изготовления XVI в. может являться предметом научной дискуссии (см. ниже).

Рис. 3. Колчаны с территории Тибета (1–3) и Цзиньчуани (4) из частных коллекций (1, 4), МИМ (2), НМШ (3): 1, 4 – по: Dekker, 2019b; 2020; 2, 3 – по: LaRocca, 2006.
 Fig. 3. Quivers from the territory of Tibet (1–3) and Jinchuan (4) from private collections (1, 4), MIM (2), NMSH (3): (1, 4 – by: Dekker 2019b; 2020; 2, 3 – by: LaRocca 2006).

нала тобольских служилых татар Кульмаметьевых (рис. 1, 2), а также колчан из частного собрания, который происходит с территории Семиречья. И если богато оформленный колчан из ТИАМЗ еще можно с определенными оговорками связать с тибетским импортом, то его лаконично оформленные аналоги из Южной Сибири и Юго-Восточного Казахстана, по всей видимости, представляют собой изделия центральноазиатских или сибирских мастеров.

До нашего времени дошли изображения сибирско-татарских, ойратских, монгольских, бурятских и тибетских колчанов конца XVII – начала XIX в. (рис. 4; 5). К сожалению, рисунки Ремезовской летописи слишком схематичны, чтобы достоверно определить покрой колчанов ойратских и сибирско-татарских воинов конца XVII – начала XVIII в. Уверенно можно говорить лишь о том, что они были снабжены парой ремней, перекрещивавшихся на лицевой стороне колчана (рис. 4) и в некоторых случаях ярко выраженным нижним «ушком» (рис. 4, 1–3).

На картинах и гравюрах российских художников начала XIX в. колчаны монголов и бурят изображены весьма достоверно (рис. 5, 3, 5, 6), что подтверждается их сличением с подлинными колчанами данных народов, дошедших до нашего времени [Бобров, Худяков, 2008. С. 131–146, 148, 150–154]. Однако монгольские и бурятские колчаны несколько отличаются от образцов рассматриваемой серии. Так, например, спинка колчанов монгольского типа значительно более низкая (рис. 5, 5), а верхнее «ушко» практически не выдается вперед [Бобров, Худяков, 2008. С. 153]. В свою очередь, бурятские колчаны обычно снабжены широкой массивной спинкой, симметричными «ушками» (рис. 5, 6), а их днище дополнено ярко выраженным выступом, так называемым «горбом» [Бобров, Худяков, 2008. С. 152]. Существенно отличается и декоративное оформление. Лицевая сторона монгольских и бурятских колчанов традиционно украшалась металлическими накладками различных форм и размеров (рис. 5, 3, 5–7) ⁶, в то время как колчаны рассматриваемой серии обычно снабжены лишь ременными бляхами и заклепками по периметру (рис. 1–3).

На тибетской *танка* «Далха» ⁷ XVIII в. изображен колчан с выраженной спинкой, парой перекрещивающихся ремней, Э-образным

⁶ Лицевая сторона колчанов предбайкальских бурят в некоторых случаях почти целиком покрыта серебряными, посеребренными и (или) железными пластинами (Бобров, Худяков, 2008, с. 132–136).

⁷ «Далха» (от тиб. *dgra lha*) – группа божеств, имеющих связь с древними верованиями кочевников Центральной Азии. С распространением буддизма стали одними из защитников буддийского учения, покровительствующих воинам, войне и благосостоянию людей. Одним из божеств «драл ха» являлся *Дайчи тэнгри*, который считал-

Рис. 4. Изображения колчанов ойратских (10, 11), сибирско-татарских воинов, остяцких и вогульских воинов, Ремезовская летопись, конец XVII – начало XVIII в.

Fig. 4. Images of Oirat quivers (10, 11), Siberian-Tatar warriors, Ostyak and Vogul warriors, Remezov Chronicle, late XVII – begin. 18th century.

карманом и слабовыпуклым днищем (рис. 5, 1, 4). Однако и он по своему силуэту ближе к колчанам монгольского образца, так как оба ушка находятся почти на одном уровне. На принадлежность изображенного колчана к саадачному набору «монгольского типа» указывает и округлая металлическая бляха в нижней части поля колчана. Подобные бляхи являются характерным элементом оформления монгольских колчанов XVII – первой половины XIX в. (рис. 5, 5).

Таким образом, зафиксированные в изобразительных памятниках позднего Средневековья и раннего Нового времени монгольские, бурятские и тибетские колчаны типологически близки, но не идентичны колчанам изучаемой серии.

В данной связи значительный интерес предоставляет географическая локализация находок интересующего нас варианта колчанов. Как уже отмечалось, они происходят с территории Тибета, Юго-Восточного Казахстана, а также южных районов Западной и Центральной Сибири. В XVII – первой половине XVIII в. все перечисленные регионы являлись объектом военно-политических притязаний ойратов – западных монголов, которые были известны в Цинском Китае под именем олётэ, в Тибете как сог-по, среди тюркских народов как калмаки, а в России как калмыки.

В XVII в. ареал ойратской экспансии включал степи Восточной Европы, Казахстана и Монголии, а также территорию северо-западного Кавказа, Южной Сибири, Восточного Туркестана и Тибета. В середине столетия сложились четыре основных военно-политических группировки ойратов – «Калмыцкая» (с центром в Северном Прикаспии), «Чакарская» (на юге Западной Сибири), «Хошутская» (на Кукунурской равнине в Тибете) и «Джунгарская» (на территории Юго-Восточного Казахстана и Западной Монголии) [Бобров, Рюмшин, 2015. С. 357–378; Бобров, 2019. С. 365–367].

Ойраты оказали заметное влияние на развитие оружейных комплексов населения упомянутых регионов [Бобров, Худяков, 2006. С. 200–232; Бобров, Худяков, 2008. С. 604–620, 636–655; Shim, 2020. Р. 97–108]. При этом собственно ойратский оружейный комплекс длительное время в значительной степени сохранял внутреннее единство. Этому весьма способствовал тот факт, что отдельные группы ойратов периодически перекочевывали от одной ойратской группировки к другой. Так, например, в конце 30-х – первой половине 40-х гг. XVII в. хошуты Гуши-хана массово переселились из Южной Сибири в Тибет. В 1686–1687 гг. тайша Цаган-Баатур и три тысячи

ся покровителем ойратского народа (Корнеев, 2022, с. 123–134).

Рис. 5. Изображения центральноазиатских и южносибирских колчанов:
1, 4 – танка «Далха», Тибет, XVIII в., ГМВ; 2 – фрагмент портрета джунгарского полководца Сарала на цинской службе, третья четверть XVIII в., частная коллекция; 3, 6 – «Братские татары» (буряты), гравюра Е. М. Корнеева, начало XIX в.; 5 – «Монголы», художник А. О. Орловский, 1808 г., ККХМ; «Бой киргизов (казахов) с уральскими казаками», художник А. О. Орловский, ок. 1826 г.

Fig. 5. Images of Central Asian and South Siberian quivers: 1, 4 - Dalha tanka, Tibet, 18th century. GMV; 2 - Fragment of a portrait of the Dzungarian commander Saral in the Qing service, third quarter of the 18th century, private collection; 3, 6 - «Brotherly Tatars» (Buryats), engraving by E. M. Korneev, beginning of the 19th century; 5 - «Mongols», art. A. O. Orlovsky, 1808, KKHМ; «Fight of the Kirghiz (Kazakhs) with the Ural Cossacks», art. A. O. Orlovsky, approx. 1826.

его «улусных людей» откочевали из Джунгарии в Поволжье. В начале XVIII в. в обратном направлении проследовал сын калмыцкого хана Аюки «царевич» Санджип, который увел с собой в Центральную Азию до 15 тыс. ойратских кибиток (60–75 тыс. чел.). Примерно в то же время значительная группа хошутов (по русским данным, более 10 тыс. чел.) покинули Тибет и переселились в Джунгарию. С одной стороны, данный процесс способствовал обмену оружейными новинками между различными ойратскими военно-политическими группировками, но с другой сдерживал процесс распада единой военно-культурной традиции. В результате в разных регионах Евразии ойратские воины XVII – начала XVIII в. продолжали применять схожие разновидности боевых наголовий, корпусных панцирей, длинноклинкового оружия и др. [Бобров, Худяков, 2008. С. 267, 274–283; *Armaments...*, 2008. Р. 144; Бобров, Балюнов, 2022. С. 237, 238; Бобров, Зозуля, 2022. С. 125–130; Бобров, Кубуддинов, Агатай, 2022. С. 95–98; Бобров, Балюнов, 2023].

В данном контексте, на наш взгляд, и следует рассматривать феномен колчанов изучаемой серии. В настоящее время сложно сказать, является ли рассматриваемый тип колчана собственно ойратским или он был заимствован ойратами в Тибете или Южной Сибири, а затем распространен в других регионах. Однако связь подобных колчанов с ареалом военно-политического влияния ойратских племен вряд ли может считаться случайной.

Наиболее вероятно, что рассматриваемый тип центральноазиатских колчанов сформировался на основе одного из поздних вариантов «чингизидских» колчанов-футляров, завоевавших популярность среди кочевников Евразии в XIV–XV вв. Не исключено, что одним из его возможных предшественников был знаменитый кожаный колчан из памятника Абрамово-10 (Барабинская степь), датированный XIV–XVI вв., снабженный удлиненным верхним «ушком» [Молодин, Соболев, 1990, рис. 48, 1; Соловьев, 2003. С. 160, рис. 10, в]⁸. Появление колчанов рассматриваемого типа на территории владений ойратов или их южносибирских вассалов (т. е. на стыке западных и восточных военно-культурных традиций) обусловило их оригинальный внешний вид. От колчанов центральноазиатского образца они унаследовали широкий ассиметрично-трапециевидный силуэт и парные перекрещивающиеся ремни, а от колчанов западных регионов бывшей Великой Монгольской империи – традицию украшать лицевую сторону колчана не металлическими накладками, а растительным узо-

⁸ К сожалению, колчан сохранился фрагментарно, что не позволяет достоверно установить, имел ли он удлиненную спинку как колчаны рассматриваемой серии.

ром. Что касается удлиненной спинки и ярко выраженного верхнего «ушка», то эти элементы оформления достаточно редко встречаются на колчанах западно-, центрально- и восточноазиатского образцов и могут являться характерными типологическими признаками колчанов рассматриваемой серии.

Если наше предположение верно, то колчаны «ойратского типа» могли попасть в Тибет вместе с победоносными войсками Гуши-хана и его союзников во второй половине 1630-х – первой половине 1640-х гг. Вплоть до второй четверти XVIII в. ойраты продолжали оставаться главной военной силой в регионе, а реальные рычаги управления «Страной снегов» во многом находились в руках хошутской и (в отдельные периоды) чороской (джунгарской) знати. Почти столетнее доминирование ойратов не могло не сказаться на росте популярности среди тибетцев вооружения ойратского образца. Распространение колчанов рассматриваемого типа в регионе во многом было обусловлено желанием местных мастеров угодить вкусам хошутской аристократии и лояльной ей тибетской элиты. Однако, сохранив форму ойратского колчана, оружейники «Страны снегов» украсили его в тибетском стиле, что придало данному элементу саадачного набора оригинальный внешний вид.

Выводы

Колчан КП-1975 относится к кожаным каркасным колчанам-футлярам асимметрично-трапециевидной формы, с удлиненной заостренной «спинкой», слабовыпуклым днищем, вытянутым верхним «ушком», Э-образным карманом и металлическими заклепками по периметру.

Данная разновидность колчанов входит в состав большой группы центральноазиатских колчанов второй половины XVI – середины XIX в., однако отличается от своих монгольских и южносибирских аналогов рядом деталей конструкции и системы декоративного оформления. Отличительными особенностями колчанов серии является высокая заостренная спинка, вынесенное далеко вперед массивное верхнее «ушко», а также отказ от украшения лицевой стороны колчана металлическими накладками (за исключением ременных блях и заклепок по периметру).

Все известные колчаны рассматриваемого типа происходят с территории южных районов Западной и Центральной Сибири, Юго-Восточного Казахстана и Тибета. В XVII – середине XVIII в. данные регионы являлись объектом военно-политической экспансии западных

монголов-ойратов (джунгар, хошутов, дербетов и др.). Время бытования и ареал распространения колчанов данного типа совпадает с периодом доминирования на указанных территориях различных ойратских государственных образований. Это позволяет с некоторой долей условности обозначить колчаны рассматриваемого образца как колчаны «ойратского типа». Внутри данной серии выделяются колчаны, изготовленные тибетскими мастерами с учетом местных традиций декоративного оформления. Последняя разновидность колчанов может быть обозначена как «ойрато-тибетская».

Колчаны «ойратского типа», вероятно, сформировались в середине XVI – начале XVII в. на основе поздних вариантов «чингизидских» колчанов-футляров. Наиболее вероятно, что родиной подобных колчанов является территория Западной Монголии, Южной Сибири, Юго-Восточного и Восточного Казахстана. В Тибет колчаны «ойратского типа» попали вместе с войсками Гуши-хана и его союзников во второй половине 30-х гг. XVII в. Менее вероятно, что они сформировались в Тибете, а затем были распространены ойратами на территорию Южной Сибири и Юго-Восточного Казахстана.

Большинство известных образцов колчанов рассматриваемого типа можно датировать XVII – серединой XVIII в. В более поздний период они постепенно вышли из широкого военного обихода, уступив место колчанам монгольского, среднеазиатского, байкальского и цинского типа. Тем не менее, они оказали определенное влияние на стиль оформления колчанов Центральной Азии и сопредельных территорий. Так, например, колчаны Цзиньчуани, хотя и сохранили местные зауженные пропорции, но стали снабжаться ремнями, бляхами и заклепками по образцу «ойратских» и «ойрато-тибетских» аналогов (рис. 3, 4). Не исключено, что появление рядов заклепок по периметру некоторых разновидностей цинских колчанов также может быть связано с влиянием центральноазиатского (ойратского, монгольского) саадака. Характерно в данной связи, что колчан джунгарского полководца Сарала, перешедшего на сторону Цинской империи, хотя и выполнен по имперским стандартам, но украшен по периметру двумя рядами заклепок с желтыми (бронзовыми?) шляпками, как и рассматриваемый колчан из НКМ (рис. 5, 2). Появление удлиненной спинки и длинного верхнего ушка на некоторых разновидностях казахских 8-образных колчанов, возможно также связано с ойратским влиянием [Бобров, Пинк, 2014. С. 250–253].

Итак, колчан КП-1975 представляет собой яркую разновидность колчанов «ойратского типа», получивших распространение на территории Южной Сибири, Юго-Восточного Казахстана и Тибета.

та. На основании особенностей конструкции и системы декоративно-го оформления он может быть датирован XVII – серединой XVIII в. Колчан мог быть изготовлен как ойратским, так и южносибирским мастером данного периода. Лаконичное оформление позволяет предположить, что в отличие от своих богато украшенных аналогов из ТИАМЗ, западных музейных и частных собраний колчан из НКМ находился на вооружении воина среднего достатка. Это придает ему особую научную ценность, так как помогает составить представление о колчанах рядовых воинов и командиров младшего звена армий «чакарских калмыков» или Джунгарского *хунтайджийства* указанного периода.

Список литературы

Бобров Л. А. Джунгары – последняя кочевая империя // Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики. М.: Наука; Вост. лит., 2019. С. 364–398.

Бобров Л. А., Балюнов И. В. «Большой» ойратский сфероцилиндрический шлем из собрания Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, № 1. С. 226–249.

Бобров Л. А., Балюнов И. В. Колчан XVII – середины XVIII вв. из собрания Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 4.

Бобров Л. А., Зозуля С. С. Панцирные пластины из раскопок В. В. Радлова в собрании Государственного Исторического музея // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2022. Т. 21. Вып. 5: Археология и этнография. С. 115–130.

Бобров Л. А., Кабульдинов З. Е., Агатай У. М. Ойратские сфероцилиндрический шлем и подшлемник из собрания Центрального Государственного музея Республики Казахстан // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. Т. 50. № 4. С. 91–98.

Бобров Л. А., Пинк И. Б. Стрелы и колчаны казахских воинов из Тульского Государственного музея оружия // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3. С. 243–255.

Бобров Л. А., Рюмшин М. А. «...И против них не стаивали они ни где и биться с ними не умеют». Оружейный и военно-тактический аспект калмыцко-ногайских и калмыцко-татарских войн первой половины – середины XVII в. // Золотоордынская цивилизация. 2015. № 8. С. 357–378.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Монгольское влияние на военное дело тибетцев в позднем Средневековье и начале Нового времени // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 3 (прил. 2). С. 188–234.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Фак. филол. и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.

Корнеев Г. Б. Священные знамена ойратов и калмыков. Элиста: Центр. хурул Респ. Калмыкия «Золотая обитель Будды Шакьямуни», 2022. 232 с.

Мартышов Р. А. Этнографические материалы К. А. Евреинова из фондов Новокузнецкого краеведческого музея // Из кузнецкой старины. 2017. Вып. 7. С. 174–192.

Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И. Бараба в эпоху позднего Средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 262 с.

Прокопенко В. М. Саадаки с плоским колчаном (Европа, XVI–XVII вв.). Часть 1 – Конструкция. 2014а. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kitabhona.org.ua/libwar_bow/kolchan1-1.html Дата обращения: 07.12.2022.

Прокопенко В. М. Саадаки с плоским колчаном (Европа, XVI–XVII вв.). Часть 2 – Каталог. 2014б. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kitabhona.org.ua/libwar_bow/kolchan1-2.html Дата обращения: 07.12.2022 г.

Соловьев А. И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. 224 с.

Ширин Ю. В. К. А. Евреинов у истоков кузнецкого краеведения // Тр. Том. обл. краевед. музея. Томск, 2000. С. 137–140.

Armaments and Military Provisions. The Complete Collection of Treasures of the Palace Museum. Beijing: w/o publisher, 2008. 264 p.

Dekker P. Tibetan or Mongolian quiver. 2019a. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mandarinmansion.com/item/tibetan-or-mongolian-quiver> Дата обращения: 19.12.2022.

Dekker P. Rare Jinchuan quiver. 2019б. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mandarinmansion.com/item/rare-jinchuan-quiver> Дата обращения: 19.12.2022.

Dekker P. Early lacquered quiver. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mandarinmansion.com/item/early-tibetan-or-mongolian-lacquered-quiver> Дата обращения: 19.12.2022.

Dekker P. Tibetan bowcase and quiver. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mandarinmansion.com/item/tibetan-bowcase-quiver>
Дата обращения: 19.12.2022.

LaRocca D. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. N. Y., 2006. 307 p.

Shim H. The Zunghar Conquest of Central Tibet and its Influence on Tibetan Military Institutions in the 18th Century // *Revue d'Etudes Tibetaines*. Asian Influences on Tibetan Military History between the 17th and 20th Centuries. 2020. № 53. P. 56–113.

References

Bobrov L. A. Dzhungary – poslednyaya kochevaya imperiya. In: *Kochevye imperii Evrazii: osobennosti istoricheskoy dinamiki*. Moscow. Nauka – Vostochnaya Literatura. 2019. Pp. 364–398. (In Russ.)

Bobrov L. A., Balyunov I. V. 'Big' Oirat Spherocylindrical Helmet in Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve Depositary. Theory and Practice of Archaeological Research. 2022. № 1. Pp. 226–249. (In Russ.)

Bobrov L. A., Balyunov I. V. Kolchan XVII – serediny XVIII vv. iz sobraniya Tobol'skogo istoriko-arhitekturnogo muzeya-zapovednika. *Oriental Studies*. 2023; 16(4) (In Russ.)

Bobrov L. A., Kabul'dinov Z. E., Agatay O. M. Ojratskie sferocilindricheskij shlem i podshlemnik iz sobraniya Central'nogo Gosudarstvennogo muzeya Respubliki Kazakhstan. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2022. № 4. Pp. 91–98. (In Russ.)

Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Mongol'skoe vliyanie na voennoe delo tibetcev v pozdnem Srednevekov'e i nachale Novogo vremeni. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2006. № 3. Pp. 188–234. (In Russ.)

Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noi Azii i Yuzhnoi Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ya i Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.). SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2008. 770p. (In Russ.)

Bobrov L. A., Zozulya S. S. Pancirnye plastiny iz raskopok V. V. Radlova v sobranii Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2022. №5. Pp. 115–130. (In Russ.)

Bobrov L. A., Pink I. B. Strely i kolchany kazahskih voinov iz Tul'skogo Gosudarstvennogo muzeya oruzhiya. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2014. №3. Pp. 243–255. (In Russ.)

Bobrov L. A., Ryumshin. M. A. «...I protiv nih ne staivali oni nigde i bit'sya s nimi ne umeyut». Oruzhejnyj i voenno-takticheskij aspekt kalmy-

cko-nogajskih i kalmycko-tatarskih vojn prvoj poloviny – srediny XVII v. Golden Horde Civilization. 2015. №8. С. 357–378. (In Russ.)

Korneev G. B. Svyashchennye znamenya ojratoj i kalmykov. Elista: Central Khurul of the Republic of Kalmykia «The Golden Abode of Buddha Shakyamuni», 2022. 232 p. (In Russ.)

Martyushov R. A. Etnograficheskie materialy K. A. Evreinova iz fondov Novokuzneckogo kraevedcheskogo muzeya. Iz kuzneckoj stariny. 2017. Vyp. 7. S. 174–192.

Molodin V. I., Sobolev V. I., Solovyov A. I. Baraba v epohu pozdnego Srednevekov'ya. Novosibirsk: Nauka, 1990. 262 p. (In Russ.)

Prokopenko V. M. Saadaki s ploskim kolchanom (Evropa, XVI–XVII vv.). Part 1 - Construction. 2014a. Available at: https://www.kitabhona.org.ua/libwar_bow/kolchan1-1.html. (Accessed: 7 December 2022).

Prokopenko V. M. Saadaki s ploskim kolchanom (Evropa, XVI–XVII vv.). Part 2 - Catalog. 2014b. Available at: https://www.kitabhona.org.ua/libwar_bow/kolchan1-2.html. (Accessed: 7 December 2022).

Shirin YU. V. K. A. Evreinov u istokov kuzneckogo kraevedeniya. Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya. Tomsk, 2000. S. 137–140.

Solovyov A. I. Oruzhie i dospekhi. Sibirskoe vooruzhenie: ot kamenogo veka do srednevekov'ya. Novosibirsk: «INFOLIO-press», 2003. 224 p. (In Russ.)

*Материал поступил в редакцию
Received*

12.05.2023 г.

Список сокращений / List of abbreviations

ГМВ – Государственный музей Востока (Москва)

НМК – Новокузнецкого краеведческого музея

ККХМ – Краснодарский краевой художественный музей

ТИАМЗ – Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник

МИМ – Музей искусств «Метрополитен» (Нью-Йорк, США)

НМШ – Национальный музей Шотландии (Эдинбург, Великобритания)

GMV – State Museum of the East (Moscow)

NMK – Novokuznetsk Museum of Local Lore

KKHM – Krasnodar Regional Art Museum

TIAMZ – Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve

MIM – Metropolitan Museum of Art (New York, USA)
NMSH – National Museum of Scotland (Edinburgh, UK)

Информация об авторах / Information about the Authors

Бобров Леонид Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований; профессор кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия); spsml@mail.ru

ORCIDID0000-0001-5071-1116

Leonid A. Bobrov, Doctor of History, leading researcher at the Laboratory for Humanitarian Studies; Associate Professor of Department of Archaeology and Ethnography in Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation); spsml@mail.ru

ORCIDID0000-0001-5071-1116

Пилипенко Сергей Алексеевич, преподаватель кафедры философии и гуманитарных наук факультета базовой подготовки Новосибирского государственного университета экономики и управления (Каменская ул., 52/1, г. Новосибирск, 630007, Россия); Pilipenkosergej@mail.ru

ORCIDID0000-0001-7963-9891

Sergej A. Pilipenko, Lecturer, Department of Philosophy and Humanities, Faculty of Basic Training, Novosibirsk State University of Economics and Management (Kamenskaya St., 52/1, Novosibirsk, 630007, Russia); Pilipenkosergej@mail.ru

ORCIDID0000-0001-7963-9891

Роман Андреевич, старший научный сотрудник Новокузнецкого краеведческого музея (Пионерский проспект, 24, Новокузнецк, 654027, Россия, martyushovromanandreevich@gmail.com)

Roman A. Martyushov, Senior Researcher at the Novokuznetsk Museum of Local History (Pionerskiy avn, 24, Novokuznetsk, 654027, Russia, martyushovromanandreevich@gmail.com)

ORCIDID0000-0001-9599-7277